

С. Ю. Макаров*

Распространение действия этических требований, установленных к адвокатской деятельности, за пределы профессиональной деятельности адвокатов

Аннотация. Настоящая статья посвящена расширительному толкованию и применению этических норм, существующих и действующих в отношении адвокатов, что выражается в выдвигании повышенных требований к адвокатам как в рамках осуществления ими профессиональной деятельности, так и за ее пределами, т.е. фактически уже в сфере частной жизни адвокатов, с приведением примеров из истории адвокатуры Древнего Рима и Российской империи. Анализируются механизм формирования и выражения общественного мнения в отношении адвокатов, с поправкой на степень объективности этого мнения, а также мнения самого адвокатского сообщества в отношении отдельных его представителей в плане их нравственности. Отдельно на примере дела А. В. Лохвицкого показано чрезвычайно жесткое отношение русской присяжной адвокатуры к соблюдению нравственных требований присяжными поверенными и помощниками присяжных поверенных и исследованы причины такого отношения.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская этика, присяжный поверенный, этика, этические требования, профессиональная деятельность, адвокатская деятельность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.84.11.016-022

Одним из наиболее острых этических аспектов, обсуждаемых сейчас адвокатским сообществом, является проблема распространения действия этических правил, предусмотренных в отношении адвокатов, на непрофессиональную сферу жизни и деятельности адвокатов. Для адвокатуры России в силу сложившегося строгого внимания к ней со стороны общества (причем внимания, носящего расширительный характер), этот аспект носит весьма важный и очень актуальный характер.

В частности, в настоящее время Федеральной палатой адвокатов России приняты Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет¹.

В связи с этим возникают два взаимосвязанных вопроса: вправе ли общество устанавливать какие-либо особые этические требования для адвокатов (или распространять такие существующие требования) вне плоскости их профессиональной деятельности и обязаны ли адвокаты соблюдать такие требования,

¹ Утв. Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28.09.2016. Протокол № 7 // URL: http://fparf.ru/documents/council_documents/council_recommendations/28316/ (дата обращения: 26.04.2017).

© Макаров С. Ю., 2017

* Макаров Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат makarov.msal@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

если они установлены (разумеется, речь идет о моральной обязанности, ведь если такие требования установлены напрямую законом, адвокаты обязаны их соблюдать).

Прежде чем перейти к освещению этой проблематики в современном аспекте, считаю необходимым обратиться к историческим примерам.

Адвокатура в ее истинном современном понимании происходит, несомненно, из Древнего Рима. Возникнув еще в республиканский период истории Рима как поистине «общественное служение» (правда, нередко с небескорыстной целью успешного начала римлянином политической карьеры — чтобы, став известным своим согражданам, он в будущем получил их голоса на выборах по замещению магистратских должностей), адвокатура на рубеже эр, с установлением режима Принципата, спасшего Римское государство от гибели в хаосе гражданской войны, начала эволюционировать в профессиональную деятельность людей, выступающих защитниками в суде, основываясь как минимум на риторических способностях, как максимум — еще и на умении толковать законы (как это видно из писем Плиния Младшего).

И в этой обстановке на протяжении I в. н.э. стало формироваться отношение римского общества к адвокатской деятельности уже не как к первой ступени на пути к политической карьере, а как к особой разновидности профессиональной деятельности. Это проявилось в раздвоении, своеобразном дуализме отношения к известным адвокатам и их поступкам.

Это можно наглядно проиллюстрировать примерами из сочинений известных римских авторов.

Одним из известнейших римских адвокатов середины I в. н.э. был Гней Домиций Афр. Заслуженно имея славу одного из величайших ораторов своего времени (и, благодаря этому, став одним из ведущих адвокатов), Домиций Афр даже создал своеобразную школу оратор-

ского и адвокатского мастерства; одним из его учеников был Марк Фабий Квинтилиан — знаменитейший теоретик красноречия, чья книга «Риторические наставления» до сих пор (!) сохраняет бесспорную актуальность. Квинтилиан о своем учителе написал: «(Он) превосходит чистотой выражений и правильностью слога своего, так что смело можно сравнить его с древними писателями»²; в другом месте он говорит о нем как о «первом украшении Ораторской кафедры»³. Можно было бы предположить необъективность Квинтилиана по отношению к его учителю, однако подобную высокую оценку Домиция Афра разделяют такие известные критики современного им римского общества, как Плиний Младший и Тацит. Плиний Младший приводит рассказ Квинтилиана о том, с каким прискорбием его учитель как великий оратор воспринимал обмельчание ораторского искусства⁴. Тацит в «Диалоге об ораторах» упоминает значительность занимаемого Домицием Афром положения и прочность его славы⁵.

Однако тот же Тацит в другом своем сочинении — в «Анналах» — с осуждением пишет о том, как Афр достиг такого положения — путем обвинения неугодных императору людей: «Этот Афр, недавно закончивший срок преторских полномочий, не занимавший видного положения, но жаждавший известности и ради нее готовый на любое преступление, обвинил Пульхру в развратном поведении, в прелюбодеянии с Фурнием, а также в воровстве и злоумышлении против принцепса. <...> Пульхра и Фурний были осуждены. А Афр был причислен молвою к первостепенным ораторам, так как проявил в этом деле свои дарования и сам Цезарь (т.е. римский император Тиберий, официально именовавшийся «Тиберий Цезарь Август». — Прим. авт.) сказал, что ему свойственно прирожденное красноречие. В дальнейшем, выступая обвинителем или защитником подсудимых, он добыл себе славу, более благоприятную для его красноречия,

² Фабий Квинтилиан М. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб. : Типография Императорской Российской академии, 1834. Ч. II. Кн. X. Гл. I. С. 245—246.

³ Фабий Квинтилиан М. Указ. соч. С. 508.

⁴ Письма Плиния Младшего. М. : Наука, 1983. II. 14.10—12. С. 35.

⁵ Тацит П. К. Диалог об ораторах. 13 // Тацит П. К. Сочинения : в 2 т. СПб. : Наука, 1993. Т. 1 : Анналы. Малые произведения. С. 364.

чем для нравов...»⁶. Таким образом, Домиций Афр свой ораторский талант и свое несомненное адвокатское дарование обесценивал тем, что, будучи адвокатом, параллельно стал еще и доносчиком, губящим своими доносами негодных императору людей — и римское общество крайне отрицательно оценивало аморальность такого поведения. Примечательно соотношение и далее противопоставление Тацитом великого красноречия Афра и его нравственности, с подчеркиванием ущерба для последней.

Правда, впоследствии Домиций Афр уравновесил такую деятельность защитой многих подсудимых, в том числе и по политическим делам, вследствие чего мнение о нем было неоднозначным, но все же скорее положительным для него, т.е. он отчасти как бы реабилитировался в общественном мнении.

Обобщающую оценку в отношении Домиция Афра Тацит сформулировал, приводя данные о его кончине: «Затем следуют кончины выдающихся мужей Домиция Афра и Марка Сервилия, занимавших в прошлом высшие должности и отличавшихся блистательным красноречием: первый был знаменит судебными речами, Сервилий — своими выступлениями на форуме, а в дальнейшем и сочинением по римской истории, и безупречностью образа жизни, отличавшего его перед Афроном, который, будучи равен ему дарованиями, не обладал его нравами»⁷.

Подобное положение проявилось в отношении двух других известных адвокатов — Квинта Вибия Криспа и Тита Эприя Марцелла. Оба они были ведущими адвокатами второй половины I в. н.э. (т.е. преемниками выдающегося Домиция Афра).

Один из героев уже упоминаемого выше произведения Тацита «Диалог об ораторах» говорит о них: «Осмелюсь утверждать, что тот самый Эприй Марцелл, о котором я только что говорил, или Вибий Крисп... уже многие годы не имеют в Римском государстве равных себе по влиятельности и, пока им было угодно, пер-

венствовали в наших судах, а теперь первенствуют среди тех, кого Цезарь обласкал своей дружбой, и действуют во всем и распоряжаются всем, как им заблагорассудится, отмеченные особо уважительным отношением к ним самого принцепса»⁸.

Уже в этом отрывке видна неоднозначность оценки обоих упоминаемых персоналий. Корни подобного отношения раскрываются в «Анналах» Тацита: «Вибий Крисп, которому его богатство, власть и таланты стяжали больше известности, чем уважения, возбудил в сенате дело против всадника Анния Фавста, сделавшего при Нероне своим ремеслом сочинение доносов... Крисп набросился на Фавста, донесшего в свое время на его брата, со всей страстью лично заинтересованного человека и убедил большую часть сенаторов потребовать казни Фавста, не выслушав ни защитников, ни его собственных оправданий... Его осуждение, правда, не вызвало в обществе того одобрения, которого Фавст заслужил своими пороками. Вспоминали, что и сам Крисп с великой для себя выгодой занимался такими же доносами; словом, все были довольны, что преступление наказано, но никому не нравился тот, кто добился наказания»⁹. И, наконец, Тацит описывает сцену в сенате, ставшую апогеем противостояния между этими известнейшими, ведущими адвокатами своего времени и обществом, стремившимся к их осуждению за доносительство, считавшееся недостойным их высокого статуса: «Марцелл понял, что все против него, и поднялся, как бы собираясь покинуть курию... За ним следом двинулся Вибий Крисп... подоспевшие друзья заставили обоих вернуться на свои места. Яростный спор большинства честных людей против меньшинства, располагавшего властью, становился все более ожесточенным и затянулся до конца дня»¹⁰.

Дополнительно можно отметить (и даже подчеркнуть), что все указанные авторы — и Квинтилиан, и Тацит, и Плиний Младший — сами лично занимались адвокатской практи-

⁶ Тацит П. К. *Анналы*. IV. 52 // Тацит П. К. Указ. соч. Т. 1. С. 133.

⁷ Тацит П. К. *Анналы*. XIV. 19 // Тацит П. К. Указ. соч. Т. 1. С. 248.

⁸ Тацит П. К. *Диалог об ораторах*. 8 // Тацит П. К. Указ. соч. Т. 1. С. 360—361.

⁹ Тацит П. К. *История*. II. 10 // Тацит П. К. Указ. соч. Т. 2. С. 428.

¹⁰ Тацит П. К. *История*. IV, 43 // Тацит П. К. Указ. соч. Т. 2. С. 525.

кой, т.е. даваемые ими оценки базировались в том числе на их собственном практическом опыте осуществления адвокатской деятельности, что, конечно же, повышает и их объективность, и их ценность.

Как видно из приведенных цитат, римское общество могло восхищаться выдающейся деятельностью известнейших адвокатов и одновременно критиковать (или как минимум — порицать) их неэтичные поступки. Конечно, невозможно утверждать, что их как-то особенно критиковали именно потому, что они были адвокатами, но данное сочетание очевидно.

Таким образом, очевидно, что римское общество I в. н.э. предъявляло к адвокатам требование этического поведения даже в том, что выходило за узкие пределы их собственно профессиональной деятельности, и, соответственно, осуждало их неэтичное поведение даже во внепрофессиональной сфере (включая их гражданскую деятельность, т.е. их поведение как граждан Римского государства).

Однако если в отношении римских адвокатов мы можем оценивать лишь неофициальное мнение самого адвокатского сообщества, выражаемое его отдельными представителями (так как в Древнем Риме адвокатской корпорации так и не появилось вплоть до V в. н.э.), то в отношении русской присяжной адвокатуры положение противоположное, ибо в Российской империи присяжная адвокатура во многом сама высказывала мнение по вопросам организации и деятельности адвокатуры.

Исключительно примечательной историей, характеризующей отношение самой адвокатуры к рассматриваемому вопросу, является известное дело Александра Владимировича Лохвицкого. «А. В. Лохвицкий выступил в 70-х годах в суде с участием присяжных заседателей защитником бывшего помощника прис. поверенного Н. Элькина, обвинявшегося и признанного виновным в том, что, сблизившись с вдовой Поповой, с которой взаимно согласился вступить в брак, и будучи, таким образом, ее женихом, 1) выманил у нее обманом 15 тысяч рублей, на заем каких денег между ним и Поповой заключено было в то же время нотариальное условие, а затем Элькин выманил у Поповой то условие с надписью ею в получении будто бы его платежа, и 2) убедил

Попову передать ему принадлежащий ей дом по безденежной купчей крепости. Так формулирован был вердикт присяжных заседателей. На основании этого вердикта окружный суд приговорил Элькина к определенному наказанию. По кассационной жалобе А. В. Лохвицкого приговор суда был отменен за неправильным применением карательного закона, и дело возвращено было в суд для постановления нового приговора. Окружный суд вновь приговорил Элькина к наказанию, но уже по другой статье. А. В. Лохвицкий вновь принес кассационную жалобу, и Прав. Сенат вновь отменил приговор, указав на этот раз в мотивах, что в деянии, описанном в вопросах присяжным заседателям, нет признаков уголовно наказуемого деяния. После этого окружный суд освободил Элькина от всякого наказания. Но по окончании уголовного дела поверенный Поповой, прис. поверенный Ордынский, предъявил к Элькину, который у него и состоял помощником, три иска в гражданском суде:

- 1) о взыскании с него 15 тысяч рублей, занятых у Поповой по нотариальному условию. Этот иск окончательным судебным решением удовлетворен;
- 2) об уничтожении купчей крепости на дом. В иске этом решением судебной палаты Поповой было отказано;
- 3) о взыскании с Элькина 15 тысяч рублей, которые он, во время производства дела, признал себя обязанным возратить Поповой вследствие дешевой покупки у нее дома. В этом иске Поповой также было отказано.

По всем искам в качестве поверенного ответчика выступал А. В. Лохвицкий, на которого его противник, прис. поверенный Ордынский, и подал, в конце концов, жалобу в Совет прис. поверенных, обвиняя его в том, что он берет на себя ведение заведомо недобросовестных дел. Совет нашел, что ни в принятии Лохвицким защиты в уголовном деле, ни в способе ее ведения не было ничего заслуживающего порицания. Но в гражданском суде дело уже шло о том, извлечет ли Элькин выгоду из своих бесчестных поступков, воспользуется ли он результатами своего мошенничества. И хотя судебная палата признала купчую действительной, но из того, что недобросовестные, хотя и формально правильные, ходатайства удовлетворяются судами, не следует, что адвокаты могли их подерживать... Совет нашел поэтому, что Лохвиц-

кий заслуживает самого строгого взыскания, и запретил ему отправление обязанностей поверенного в течение трех месяцев»¹¹.

В данном случае дальнейшая история этого дела не так важна для темы настоящей статьи (А. В. Лохвицкий обжаловал неблагоприятные для него приговоры и в конечном счете был признан невиновным Сенатом, т.е. оправдан высшей судебной инстанцией Российской империи). Важно то, что адвокатское общество считало, что присяжный поверенный (А. В. Лохвицкий) не должен быть представителем лица (Н. Элькина), подозреваемого в совершении столь неблагоприятного деяния, как (фактически) мошенничество. И то, что Н. Элькин был помощником присяжного поверенного (т.е. фактически, по реалиям второй половины XIX и начала XX в. — младшим адвокатом), усугубляло его положение, так как, по мнению Совета присяжных поверенных, ему не должна была оказываться юридическая помощь в таком как минимум неоднозначном гражданском деле (в отличие от помощи в виде защиты по уголовному делу).

Считаю необходимым подчеркнуть еще раз: по мнению адвокатского сообщества, предполагаемая неэтичность поведения члена этого сообщества (Элькина как помощника присяжного поверенного) лишала его права на юридическую помощь со стороны присяжных поверенных в гражданском судопроизводстве — в процессе, связанном с его внепрофессиональной, сугубо частной деятельностью.

Это становится более понятным с учетом положений книги «Правила адвокатской профессии в России» А. Н. Маркова, являвшейся своеобразным неофициальным этическим кодексом российской присяжной адвокатуры (признаваемой всеми в таком качестве в силу отсутствия официального свода этических норм). В пункте 1120 было указано, что «Присяжный поверенный должен быть точен в исполнении принятых им на себя обязательств как в своей профессиональной деятельности, так и в частной жизни, ибо всякая неисправность

в этом отношении может подорвать доверие к нему общества. Поэтому присяжному поверенному следует быть крайне осмотрительным при заключении сделок и не принимать на себя обязательств, исполнить которые он будет не в состоянии. Но раз сделка заключена, обязательство принято, исполнить его, по мере возможности, как бы это ни было невыгодно или даже разорительно, становится делом чести, долгом присяжного поверенного»¹².

Таким образом, присяжная адвокатура Российской империи однозначно считала, что требования профессиональной этики адвокатов априори распространяются и на сферу их частной, т.е. непрофессиональной, жизни.

По итогам изучения данных материалов, от Древнего Рима к Российской империи, и с учетом нынешних взглядов, можно сделать удивительный вывод: самые строгие требования к деятельности конкретного адвоката, как в профессиональной, так и во внепрофессиональной плоскостях, всегда выдвигали недоброжелатели адвокатуры, критикующие ее по всем возможным основаниям, и сама адвокатура (причем сама адвокатура, как, к примеру, дореволюционная российская присяжная адвокатура, высказывала даже более жесткие мнения и принимала более жесткие решения в отношении адвокатов, нежели государство, что ярко видно на примере дела А. В. Лохвицкого, справедливость в отношении которого была восстановлена лишь высшим судебным органом Российской империи).

И это показывает, что проблема расширительного толкования этических требований к адвокатам весьма обширна и разносторонняя, и пока что не имеет единого логического знаменателя. Однако тенденция современного нормативного регулирования адвокатской этики однозначно свидетельствует о расширительном характере толкования сферы, на которую распространяются нормы адвокатской этики, поскольку, согласно п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и до-

¹¹ Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство. 1864—1914. М., 1914. Т. 1 : История русской адвокатуры. С. 313—315.

¹² Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / сост. член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А. Н. Марков. М. : Статут, 2003. С. 342.

стоинство, присущие их профессии. Ю. С. Пилипенко, комментируя эту норму, абсолютно справедливо отмечает, что «достоинство и честь — категории этики... Достоинство — это совокупность высоких моральных качеств, их уважение человеком в самом себе, сознание своих прав, своей значимости. В разных языках “достоинство” всегда связано с определенной социальной позицией, которую занимает человек. Действовать согласно своему достоинству означает поступать, руководствуясь теми

правилами, которые соответствуют занимаемому положению, в данном случае определяемому принадлежностью к адвокатскому сословию»¹³. Таким образом, и нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, и их толкование призывают адвокатов к расширительному распространению действия этих норм на свои действия не только в рамках осуществления профессиональной адвокатской деятельности, но и вне этих рамок — именно в связи с наличием у них статуса адвоката.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство. 1864—1914. — М., 1914. — Т. 1 : История русской адвокатуры. — 628 с.
2. Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. — СПб. : Типография Императорской Российской академии, 1834. — Ч. II. — Кн. X. — Гл. I. — 521 с.
3. Пилипенко Ю. С. Кодекс профессиональной этики адвоката : научно-практ. комментарий. — М. : Информ-Право, 2012. — 688 с.
4. Письма Плиния Младшего. — М. : Наука, 1983. — Кн. I—X. — 405 с.
5. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / сост. член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А. Н. Марков. — М. : Статут, 2003. — 382 с.
6. Тацит П. К. *Анналы* // Тацит П. К. Сочинения : в 2 т. — СПб. : Наука, 1993. — Т. 1 : *Анналы*. Малые произведения. — 734 с.
7. Тацит П. К. *Диалог об ораторах* // Тацит П. К. Сочинения : в 2 т. — СПб. : Наука, 1993. — Т. 1 : *Анналы*. Малые произведения. — 734 с.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2017 г.

EXPANSION OF ETHICAL REQUIREMENTS APPLIED TO ADVOCACY BEYOND PROFESSIONAL ACTIVITIES OF ADVOCATES

MAKAROV Sergey Yuryevich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of the Bar and Notary at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), an advocate
makarov.ms@gmail.com
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Abstract. *The paper deals with an expansive interpretation of the law and application of ethical norms existing and applicable to advocates, which is reflected in the stricter requirements for advocates both within the framework of their professional activities and beyond them, i.e., in fact, even in their private life, giving examples from the history of the Bar in ancient Rome and the Russian Empire. The paper analyzes the mechanism for the formation and expression of public opinion with regard to advocates with allowance for the degree of objectivity of public opinion, as well as for the opinion of the advocates' community itself regarding the morals of its individual representatives. The author, using the A.V. Likhovitskiy case as an example, demonstrates an extremely rigid attitude of Russian advocates involved in jury proceedings to the moral requirements applied to attorneys-at-law and how they and their assistants complied with them and examines the reasons for such attitude.*

---

¹³ Пилипенко Ю. С. Кодекс профессиональной этики адвоката : научно-практ. комментарий. М. : Информ-Право, 2012. С. 47.

Keywords: *advocate, attorneys' ethics, attorney-at-law, ethics, ethical requirements, professional activities, advocacy*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Gessen I. V.* Advokatura, obshchestvo i gosudarstvo. 1864—1914. — M., 1914. — T. 1 : Istorija russkoj advokatury. — 628 s.
2. *Kvintilian M. F.* Dvenadcat' knig ritoricheskikh nastavlenij. — SPb. : Tipografija Imperatorskoj Rossijskoj akademii, 1834. — Ch. II. — Kn. X. — Gl. I. — 521 s.
3. *Pilipenko Ju. S.* Kodeks professional'noj jetiki advokata : nauchno-prakt. kommentarij. — M. : Inform-Pravo, 2012. — 688 s.
4. Pis'ma Plinija Mladshego. — M. : Nauka, 1983. — Kn. I—X. — 405 s.
5. Pravila advokatskoj professii v Rossii. Opyt sistematizacii postanovlenij Sovetov prisjazhnyh poverennyh po voprosam professional'noj jetiki / sost. chlen Soveta prisjazhnyh poverennyh okruga Moskovskoj sudebnoj palaty A. N. Markov. — M. : Statut, 2003. — 382 s.
6. *Tacit P. K.* Annaly // Tacit P. K. Sochinenija : v 2 t. — SPb. : Nauka, 1993. — T. 1 : Annaly. Malye proizvedenija. — 734 s.
7. *Tacit P. K.* Dialog ob oratorah // Tacit P. K. Sochinenija : v 2 t. — SPb. : Nauka, 1993. — T. 1 : Annaly. Malye proizvedenija. — 734 s.